

НИЛОА ГРЭЙ

ТЕНИ
ОВИДИИ

*Sugar
love*

Москва
2025

Título original: *Anhelo de sombras*

Primera edición: mayo de 2023

© 2023, Niloa Gray

© 2023, Penguin Random House Grupo Editorial, S. A. U.

Печатается с разрешения Penguin Random House Grupo Editorial, S.A.U. и агентства Nova Littera SIA

Копирование, тиражирование
и распространение материалов, содержащихся в книге,
допускается только с письменного разрешения
правообладателей.

*Посвящается Алисии
(дорогая, ты знаешь)*

**Согласно указу от 1543 года,
установлены следующие правила
для различных классов
Общества Чувствительных:**

Знание о магах должно храниться в секрете. Всякий Чувствительный, который окажется подозреваемым в разглашении Знания, подвергнется допросу со стороны Провидцев с последующим возможным изгнанием из Общества. Отношения между Чувствительным и Нечувствительным возможны только при условии принесения Нечувствительным клятвы верности Обществу. Это правило распространяется также на слуг и любых работников из противоположного мира. Черная магия в любых ее видах строжайше запрещена. Тот, кто прибегнет к ней, будет сожжен на костре без суда и следствия. Чувствительный может покинуть Общество по собственному желанию. При этом он потеряет право на общение с друзьями и родственниками, оставшимися в Обществе, и приобретет статус Дезертира.

КЛАССЫ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫХ

НОЧНЫЕ МАГИ

Они питаются от Луны и крепнут с наступлением ночи.

Звезды — их проводники.

ДНЕВНЫЕ МАГИ

Их сила идет от Солнца.

Заветное время — день, главный союзник — свет.

ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЕ ЗЕМЛИ

Сила их идет от Земли.

Они слышат ее зов и подчиняются ему.

ПРОВИДЦЫ

Их сила связана с сознанием.

Главный инструмент — зрение.

СЕРЫЕ

Полукровки, рожденные союзом Чувствительных и Нечувствительных. Наследуют силу чувствительного родителя, присоединяясь таким образом к его классу.

Утверждено и официально подписано

Августой Флоренс Ньюборн,

Лидером и Представителем

Общества Чувствительных

31 октября 1543 года

ПРОЛОГ

**Ноябрь 1838 года.
Винчестер, Англия.**

Дом встретил Овидию тишиной. Она была тяжелая, гнетущая и слишком реальная, чтобы ее можно было не заметить. Девушка чувствовала, как служанка помогает ей снять пальто, мокрое насквозь после непрекращающегося осеннего ливня, слышала, как отец расплывается с кучером, благодаря его за то, что тот вернулся за ними назад. Горничная что-то спросила. Что именно — было не разобрать. Овидия направилась вверх по лестнице, оставив помощницу с дворецким в нижней комнате. Но, преодолев один пролет, вцепилась в перила, запрещая себе смотреть в сторону спальни родителей. Потом все же собралась с силами и, шаркая ногами по ковру, поползла выше. Вот эта дверь. Такая странная теперь, чужая, бесцветная.

Овидия медленно открыла ее, и от скрипучего звука по спине пробежала дрожь. В комнате было почти темно. Только сероватый свет слабой струйкой лился из окна. И пахло... Пахло... Она тяжело соглотнула и почувствовала, как к глазам подступают слезы. Этот запах было не перепутать ни с чем. Запах мамы, которой больше нет. Понимая, что вот-вот потеряет равновесие, она оперлась о комод. Мысли снова и снова возвращались к тому страшному дню.

Овидия рухнула на пол, обхватила себя руками и закричала так горько и отчаянно, что даже слезы, начавшие было стекать по ее лицу, словно оторопев, перестали литься. Так она лежала несколько минут, позволяя себе испытывать все,

на что имеет право человек в ее положении. И только ее горячий шепот «мама», «мама» нарушал тишину.

Внезапно странная дрожь пробежала по ее телу, а грудь пробила острая сквозная боль. Пытаясь совладать с собой, Овидия вытянулась на кровати так, чтобы голова упиралась в бортик, закрыла глаза и принялась думать — обо всем и ни о чем одновременно.

В памяти вставал образ матери, ее улыбка, ее голос, слова, которые она произносила совсем недавно, за несколько дней до того рокового случая. «Чувствительный может потерять все, любовь моя. Лишиться дома, друзей, семьи. Но магия его никогда не исчезнет, что бы ни произошло. Зародившись в тебе однажды, магия останется с тобой навсегда».

Девушка ощупала рукой кровать, будто пытаясь обнаружить на ней следы материнского тепла. Но постель была холодной, даже ледяной. От неожиданности Овидия вздрогнула и инстинктивно взглянула на свои пальцы. Холод ощущался даже сквозь перчатки.

Овидия закрыла глаза, позволив себе еще минуту побыть в одиночестве, прежде чем вернуться к отцу и служанке. И в этот момент кто-то схватил ее за руку. Она вскочила и увидела перед собой темную фигуру. Бестелесную, будто сотканную из воздуха. Там, где у человека находятся глаза, сияли две золотистые сферы.

Овидия сделала глубокий вдох, но не пошевелилась. Фигура же, напротив, будто почуяв опасность, бросилась прятаться. Из-за слез Овидия не смогла толком разглядеть, куда именно двинулась странная гостья. Девушка принялась тереть глаза тыльной стороной ладони, царапая кожу кружевом перчаток. Как вдруг что-то похожее на надежду шевельнулось в сердце.

— Мама? — позвала Овидия, втайне надеясь, что эта тень окажется духом ее матери. — Если ты еще здесь, — едва слышно прошептала она, — покажись.

Несколько секунд ничего не происходило. Девушка уже начала думать, не было ли это видение просто иллюзией, вызванной затуманенным от горя сознанием. Но тут из-за зеркала показались острые коготки, а в следующее мгновение два золотых глаза выплянули из темноты и в упор посмотрели на нее. «Кажется, я схожу с ума», — подумала Овидия и удивилась собственному спокойствию. Любая на ее месте, подхватив подол, кубарем полетела бы по лестнице вниз, чтобы предупредить отца и служанку об увиденном. Почему же тогда она стоит, смотрит на это чудовище и ничего не предпринимает?

Тем временем существо еще больше выдвинулось из-за зеркала, и Овидия подумала, что его силуэт похож на силуэт ребенка лет восьми. Только ничего человеческого в этом ребенке не было. Чудовище направилось к девушке, но та бесстрашно и даже с каким-то любопытством продолжала смотреть на него. Когда между ними оставалось всего несколько сантиметров, странное создание, наконец, остановилось, блеснуло золотыми глазами и сказала:

Наконец-то мы с тобой встретились.

Голос у существа был такой странный, что Овидия чуть не подпрыгнула от неожиданности.

— Что ты такое?

Золотые сферы немного опустились, как будто рассматривая грудь девушки, после чего снова направили свой свет в ее лицо.

— Я чувствую твою боль, — сказала существо.

О какой боли оно говорило? Чувствовало ли ее буквально или само переживало что-то подобное?

— Откуда ты появилось? — собравшись с духом, спросила Овидия.

И в этот момент то, что можно было, наверное, назвать рукой, хотя было лишь отдаленно похоже на нее, поднялось и направило все свои четыре когтя на собеседницу.

— Я появилось из тебя.

Овидия посмотрела на когти и схватилась за один из них, крепко сжав его.

Ощущение было странное. Ей казалось, что она прикоснулась к чему-то огромному, холодному, острому и одновременно несуществующему.

— Тоска поглощает тебя, — продолжало существо. И Овидия сжала губы, едва сдерживая слезы. Создание, казалось, заметило это, потому что в тот же момент еще больше приблизилось к ней. Но тут снизу послышался голос отца.

— Овидия! — позвал он.

Тень немного отпрянула, и вот тут Овидии стало страшно. Она вдруг представила, что было бы, если бы отец застал ее... А с кем, собственно, он бы ее застал? Она даже не знала, как назвать то существо, с которым она сейчас говорит. Чудовище? Монстр? Тень? Тень. Пожалуй, это имя подходило существу больше всего.

— Тебе надо идти, — отрывисто проговорила Овидия, прислушиваясь к шагам горничной, которые становились все ближе.

Спасибо, сестра, — сказала тень, дотронувшись своей странной лапой до девичьей груди. И от этого прикосновения по телу девушки пробежала такая сильная дрожь, что ей пришлось схватиться за спинку кровати, чтобы не упасть.

Впрочем, любопытство все-таки взяло верх, и Овидия осмелилась спросить:

— Спасибо за что?

Глаза тени, казалось, засияли ярче, а по лицу (лицу?) скользнуло что-то вроде легкой улыбки.

Спасибо за то, что разбудила меня, — сказала тень. И исчезла.

ЧАСТЬ I

ТЕНИ
И ПЫЛЬ

23 сентября 1843 года.

Винчестер, Англия.

С той поры тени навсегда обосновались в жизни Овидии. И она на удивление быстро привыкла к ним. В конце концов, они ведь были частью ее существа. И родились, если верить им, от нее самой. В каждой из трех было что-то очень странное и очаровательное. Чтобы не привязываться к теням слишком сильно, Овидия поначалу не хотела давать им имена. Но со временем имена все-таки появились. Первую тень, которая явилась к ней в ту памятную ночь в ноябре 1838 года, она решила назвать Фесте: в честь ее любимого героя из «Двенадцатой ночи». Подобно шекспировскому шуту, та была крайне беспокойна.

Вторая тень пришла к ней около четырех лет назад, весной. Она была ростом почти с нее и являлась всегда очень медленно, будто хвастаясь, смотрите, мол, какая я. Овидия назвала ее Вейн. Третья впервые посетила Овидию в вечер ее девятнадцатилетия.

Самым странным во всех этих явлениях для Овидии было то, что они совсем не пугали ее. И от осознания этого ей становилось не по себе.

Последняя тень была самой большой из трех и приходила редко. Появлялась из темных углов. В ее компании Овидия чувствовала себя особенно спокойной и какой-то... защищенной. Она назвала ее Альбион.

Но сейчас Овидия была одна. Она сидела в своей уютной комнате, в которой каждый предмет был для нее родным и знакомым, и, опираясь подбородком на подоконник, наблюдала за сменой сезонов. Зелень уже вовсю разбавило

золотисто-желтым. Но до огненно-рыжих оттенков, которые приносит октябрь, как и до пламенных ноябрьских, было еще далеко. И уж тем более далеко было до той сумрачной поры, когда все краски окончательно союются и на смену им придет декабрьская темень.

Овидия приоткрыла окно, и свежий сентябрьский ветерок ворвался в комнату, разгоняя по телу мурашки. Типичная погода для осеннего равноденствия. Для таких, как она, двадцать третье сентября было важной отметкой на календаре. С этого момента дни начинали становиться короче, и тьма вступала в свои права.

Овидия любила прохладу. Ей нравилось ощущать, как бегают мурашки по телу. Почему-то особенно приятно было, когда они добирались до корней волос и вздыбливали их, как колючки у ежа. В такие дни она любила сидеть по вечерам в кресле у приоткрытого окна и смотреть, как солнечные лучи ласкают крыши домов Винчестера.

Внезапный порыв ветра ворвался в комнату и мысли Овидии. Свеча, которая уже изрядно оплыла от долгого горения, погасла, задымила, и густое облако заволокло отражение девушки в окне. Когда через пару мгновений дым рассеялся, с улицы послышался стук колес. Овидия посмотрела вниз и увидела два экипажа, которые остановились прямо под окнами. «Время блаженного одиночества закончилось», — торжественным тоном проговорила про себя Овидия. И действительно, едва она успела закрыть окно, как в дверь ее комнаты постучали.

— Спускаюсь! — отозвалась девушка. — Минуту.

Овидия подошла к стоящему рядом с гардеробом зеркалу. Ей очень шло платье, в которое она была одета. Пастельно-желтое, с оранжевыми вкраплениями, оно было похоже на осенний закат.

Рукава чуть выше локтей были окантованы золотистым кружевом. Лиф украшен желтыми цветами чуть

более темного оттенка, и такие же цветы, только золотистые и оранжевые, украшали подол юбки. Волосы Овидии были собраны в пучок, обрамленный двумя густыми косами, а у лица красовались два нежных локона. В обычной жизни она предпочитала более свободные прически, но сейчас ей предстояла важная церемония, и нужно было следовать этикету. В дверь постучали еще раз, и, прежде чем Овидия успела ответить, малышка Фесте возникла перед ней, сияя своими удивительными глазами, точно маленькими топазами.

Позволь мне напугать ее. Пожалуйста, сестра.

Овидия покачала головой, и ей показалось, что Фесте закричала, совсем как человек. Тут за дверью послышались шаги, и тень исчезла так же быстро, как появилась. Раздосадованная Овидия обернулась к двери, собираясь сделать выговор горничной за то, что так бесцеремонно торопит ее. Но запнулась. Вместо служанки на пороге стояла Шарлотта и, улыбаясь, осматривала ее с ног до головы.

— Ах, Лотти, это ты.

— Невежливо заставлять других ждать.

Овидия раздраженно фыркнула и, переведя взгляд за спину подруги, заметила своих темных сестер. Они столпились в коридоре, все трое, и с любопытством следили за происходящим. Поймав взгляд Овидии, Лотти обернулась. После чего сделала движение навстречу приятельнице — неосознанное, возможно, но Овидия его заметила.

— Ты нервничаешь, — сказала Шарлотта.

— А ты как будто не нервничаешь.

— Разумеется, я тоже, — Лотти повернулась к Овидии и взяла в руки ее обтянутые золотистыми перчатками пальцы. — Но ты же не можешь вечно здесь прятаться.

— А что, если я потеряю контроль над собой? Если причину кому-то вред? Я в первый раз выхожу в общество с момента появления Альбион.